

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 17, Is. 1, pp. 33–40, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.17.33
www.ejournal15.com

Articles and Statements

UDC 947“186”

Ivan Krasnov about “the Cossack nationality” and “the Don patriotism” (Based on Periodicals of the 1860s)

Alexey A. Volvenko

Taganrog Institute Named after A.P. Chekhov
(Branch of the Rostov State University of
Economics (RINH)), Russian Federation
PhD (History), Associate Professor
E-mail: avolvenko@mail.ru

Abstract

In the article, social and political views of the famous representative of the Don Cossack generals of the 19th century Ivan Ivanovich Krasnov are analyzed. His ideas about “the Cossack nationality” and “the Don patriotism” proved in articles of local and central periodicals are placed in an event context of reformatory policy of the Ministry of Defense for the Don Cossacks in the 1860s.

Keywords: Don Cossacks, Host, Ivan Ivanovich Krasnov, nationality, patriotism.

Введение

Представители казачьей семьи Красновых оставили заметный след в истории не только Донской земли, но и истории России, а также казачьего зарубежья. Среди них особое место занимает генерал-лейтенант Иван Иванович Краснов (1800–1871), командир лейб-гвардии Казачьего полка (1843–1848), походный атаман, окружной генерал 4-го военного округа Земли Войска Донского (далее – ЗВД), общественный деятель и писатель. И.И. Краснов не был обделен исследовательским вниманием [1], но специального, отдельного труда о нем еще не появилось. В данной работе мы хотели бы подвергнуть анализу две знаковые статьи генерала из его объемного публицистического наследия. Как нам кажется, именно в статьях «О народности в войске Донском» [2] и «Местный патриотизм в Донском войске» [3] содержится квинтэссенция взглядов И.И. Краснова на историю донского казачества и перспективы его развития в условиях «Великих реформ», актуальность которых, пожалуй, сохраняется и в наши дни. В некотором смысле наша статья будет перекликаться с недавней публикацией А.Ю. Перетясько «Донской сепаратизм 1860-х гг.: мифы, реальность и влияние на правительственную политику» [4]. Однако в этом исследовании главный упор делается на печатной дискуссии между М.Н. Катковым и М.Е. Салтыковым-Щедриним о «сепаратизме на Дону», вызванной небольшой заметкой

в 83-м номере «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1864 г. и приписываемой, возможно ошибочно, сыну И.И. Краснова Николаю Краснову.

Материалы и методы

Статья основана на материалах местной и центральной периодической печати 1860-х гг., в ней используются методы структурного анализа и системного подхода.

Обсуждение и результаты

Контекст появления упомянутых нами произведений И.И. Краснова вкратце таков. Отмена крепостного права на Дону и подготовка нового положения о войске Донском заметно всколыхнули местное общественное мнение. В начале лета 1862 г. войсковая администрация получила от Военного министерства программный документ, в котором излагались принципы предстоящих реформ в ЗВД, а именно: утверждение частной собственности на войсковых землях, право свободного выхода из казачьего сословия, необязательность военной службы, отмена ограничений для иногородних в отношении собственности и передвижения на казачьих территориях и пр. Обсуждение министерских предложений разделило донское и особенно новочеркасское общество на два лагеря: сторонников преобразований и противников радикальных реформ. Статья И. Краснова «О народности в войске Донском» отражала точку зрения поддерживающих планы Военного министерства и стала поводом для печатных дискуссий, развернувшихся преимущественно в «Донских войсковых ведомостях». Тон и содержание этой полемики позволили столичным изданиям – в том числе влиятельной газете «Московские ведомости» под редакцией М.Н. Каткова – обвинить донское казачество в исповедовании автономистских идей и склонности к сепаратизму в 1863–1864 гг. [5]. Статья «Местный патриотизм в Донском войске», опубликованная И. Красновым в «Современной летописи», являвшейся воскресным приложением «Московских ведомостей», стала своеобразным ответом на эти обвинения. В этой публикации генерал представил свое видение событий начала 1860-х гг. на Дону, разъясняющее несправедливые, по его мнению, упреки в адрес донского казачества.

Истолкование авторского замысла и его воплощения в статье «О народности в войске Донском» нам облегчит то обстоятельство, что мы нашли вероятный протограф, доцензурный вариант данной статьи, оказавшийся в архивных материалах генерала от кавалерии А.В. Каульбарса [6].

Свою работу Краснов начинает с безапелляционного утверждения: «После многих споров и противоречий в русской литературе признанно несомненным, что войско донских казаков, за исключением весьма немногих татар и других иностранцев, составилось первоначально из русских выходцев». Далее, по мнению генерала, с XVI в. на Дон «беспрерывно» попадали «русские и другие выходцы», пополняя ряды донского «воинства». Об этом свидетельствует происхождение известных казачьих фамилий на Дону. Однако их подробное перечисление, начиная от Платовых, Ефремовых и др. с указанием их «этнической» или сословной группы, не вошло в печатный вариант статьи [7]. Ситуация относительно свободного перемещения в войско и из него меняется после результатов деятельности Комитета об устройстве донского войска 1819 г., перед которым была поставлена задача «запретить принимать в донскую службу людей не казачьего происхождения, равно и казакам переходить куда-либо из войска». Признавшись в том, что подлинные причины такого поворота, «противоречившего всей исторической жизни донского края», ему неизвестны, Краснов все же предлагает свое объяснение «запретительной» деятельности комитета. «Сколько мы припоминаем, – пишет генерал, – около 20-х годов (XIX в. – А.В.) некоторые русские литераторы пустили в свет мнение, что донские казаки имеют свое, не-русское происхождение, и указывали на возможность выхода их из древнего Тмутараканского княжества, где будто бы проживали они, смешавшись с черкасами, во все время татарского преобладания над Россией. Это мнение в свое время было на Дону модно, и его тогда в особенности разделяла образованная молодежь наша, которой, Бог весть почему, казалось поэтичнее происходить от каких-либо очеркешенных тмутараканцев, чем от православного русского народа. Мнение это было усвоено и некоторыми членами комитета, более других влиятельными». Краснов также упоминает

о распространенных в русской армии после 1812 г. «поверии о врожденных способностях казаков и предубеждении об особенностях их породы». Такие суждения, по версии генерала, привели к незримому запрещению входа из казачьего сословия и выхода из него «для сбережения чистой казачьей крови», к формированию «убеждения, что замкнутость войска Донского необходима для поддержания в нем элементов народности». В итоге со временем «даже многие из донцов начали считать своею привилегией исключительное для них право – служить в войске».

Далее Краснов переходит к разъяснению позиции тех, кто «в запретительных мерах не видят пользы». Для генерала является «неоспоримым» тот факт, что «главная привилегия войска Донского состоит в особенном образе служения его». Однако эта служба имеет ряд трудностей, «преодоление которых требует особенных способностей». В то же время для Краснова очевидно, что «природа никогда не производит всех людей с одинаковыми склонностями», а всякому обществу – в том числе и донскому – «нужны и ученый, и художник, и купец, и всякого рода мастеровой, больше же всего земледелец». В связи с этим генерал задается естественным вопросом: «Каким же образом можно требовать, чтобы все жители обширной области, которая давно уже знакома с гражданской жизнью, имели стремление к одному военному ремеслу?» Прямого ответа на свой же вопрос Краснов не дает, но, отталкиваясь от утверждения, что «казачья служба нужна не для войска Донского, а для всей России», он предлагает активно привлекать «молодых волонтеров» из русских дворян в казачество. Такая мера не только разовьет «естественным образом соревнование» в казачьей среде, но, главное, будет способствовать появлению «свободных от военной службы казаков, которым представится возможность посвящать себя другим занятиям по своему выбору». Краснов отвергает опасения, что подобная политика приведет к уничтожению войска, т.к. процедура принятия в казачество будет обставлена определенными требованиями, а желающих исключиться из казачьего сословия «много не окажется» из-за «любви» донцов к своей родине.

Затем генерал критикует мнение тех, кто считает казаков «анахронизмом», и приводит различные доводы в пользу необходимости казачества, донского в частности, и его службы для русской армии и престола, как бы упреждая обвинения в свой адрес, что он «желает превратить» ЗВД в губернию или «уничтожить» донское казачество. В этом контексте часть пространственных рассуждений Краснова не попадает в печатный вариант статьи. Так, кратко изложенная генералом история взаимоотношений казачества и Российского государства, по его замыслу, подчеркивающая ту самую «нужность» казаков, вероятно, показалась цензору (хотя нельзя исключать и внутреннюю самоцензуру перед окончательной отправкой статьи в журнал) недостаточно корректной. Были вычеркнутыми из текста, например, такие слова: «Странное дело! Только после незабвенной отечественной войны, когда донцы принесли столько услуг Русскому государству... около 20-х годов проявились первые толки о том, что донским казакам доверять не должно и что они могут быть опасны для правительства, но что удивительнее всего, тогда же составилось мнение, что донцы имеют собственную свою национальность, которую Правительство обязано охранять в неприкосновенной отдельности, поддерживать и развивать всеми силами. Мы должны обратить внимание на весьма знаменательные факты, что те же сильные в мире особы, которые строже всего настаивали на замкнутости Донского войска... первые начали утверждать, что донцов нужно держать в черном теле, не доверять пушки донской артиллерии и принять войско Донское под особенный надзор» [8]. Такой генеральский пассаж можно интерпретировать по-разному, но то, что он отражает определенную оценку казачьего правительственного курса 1-й половины XIX в. одним из влиятельных членов донской казачьей элиты, вряд ли можно оспорить.

В заключении Краснов обращается к негативному, как он считает, австрийскому опыту национальной политики, состоящему «из многих затруднений», и противопоставляет его эффективной российской практике «обрусения». После чего генерал задается очередным вопросом: «Для чего же теперь созидать народность искусственную? Для чего область, населенную людьми чисто русскими, или совершенно обруселыми, которые говорят русским языком и исповедуют русскую веру, для чего держать ее таким особняком, заграждать всякие пути из нее к отечеству и обратно и уничтожать связи, которые могут ближе скрепить наш родственный с ним союз?» На этот раз Краснов ответил на свой вопрос: «Разве для того,

чтобы внушить каким-либо горячим мечтательным головам дикую мысль об отдельности существования и тем наделать хлопот, которые повлекут к гибели несчастные жертвы заблуждения и принесут вред государству» [9]. Такой ход мысли, кажется, весьма актуальный сейчас, в середине XIX в. пришелся не по душе цензору, который тем не менее оставил без изменения патетику последнего предложения генерала, горячо вопрошавшего о том, «...чтобы общая мать наша, Россия, не изобретала для них (донских казаков. – А.В.) особенной народности».

Через три года в статье «Местный патриотизм в Донском войске» Краснов возвращается к идее преодоления замкнутости донского казачества, но подходит к ее обоснованию в несколько ином контексте.

По мнению генерала, из-за польского восстания 1863 г. русские патриоты стали «ревниво» следить за окраинными областями и в итоге отыскали сепаратизм в «стране (ЗВД. – А.В.), где нет никакой народности, кроме чисто русской». Ссылаясь на свое коренное происхождение и опыт местного проживания, Краснов берется сразу утверждать, что как среди простых казаков, «безраздельно преданных Государю и правительству», так и среди казачьих дворян и служащих Новочеркасска «не родился еще такой безумец, которому запала бы в голову серьезная дума об отдельном политическом существовании войска». А потому общественный подъем, случившийся на Дону в 1862 г., для Краснова всего лишь «что-то похожее на демонстрацию», которая, впрочем, быстро закончилась с опубликованием известного манифеста Александра II 1863 г., подтвердившего права и привилегии донского казачества. Дискуссии же, развернувшиеся в донских ведомостях в 1862–1863 гг., это проявление «жаркого местного патриотизма, в котором заметно было чувство недоброжелательства к русским, как на Дону обыкновенно называют всякое лицо недонского происхождения». Такому пониманию патриотизма генерал, ссылаясь на мнение «стариков», противопоставляет другое его прочтение. По словам Краснова, «любовь к родине отнюдь не состоит в нетерпимости и во вражде ко всему инородному». Более того, государство ожидает от казаков «не слепого и узкого патриотизма», а такого патриотизма, который происходил бы «от убеждений, от сознания нашего (казачьего. – А.В.) долга к отечеству, от сыновней любви к общей нашей матери, России».

Как считает генерал, именно содержание ряда статей в местной газете дали «отечественной публике повод думать, что донцы имеют наклонность к сепаратизму». В то же время Краснов признает «виновность» донцов «в недружелюбии к русским, или, говоря вернее, к уроженцам других губерний». И далее он обращается к примерам из недавней истории донского казачества, местами перекликающихся с подобным материалом из статьи «О народности...», для того чтобы иносказательно переложить на власть и на действующее «Положение о войске Донском» 1835 г. ответственность за то, что «многим из наших донцов, не шутя, стало казаться, что они составляют в России какую-то особенную нацию». Вспоминая о событиях 1862 г. Краснов пишет о росте отчуждения в Новочеркасске между коренными и иногородними чиновниками, которое, собственно, и подтолкнуло его написать статью «О народности...». Краснов признается, что «слишком положился на свою популярность» и поступил самонадеянно, призывая разрушить замкнутость войска Донского.

Статью не поняли и обвинили автора в желании «выслужиться перед правительством». Здесь Краснов явно лукавит, как-то невнятно описывая хронологию событий, и не договаривает, затрагивая тему последствий от опубликования своей работы. Дело в том, что его статья «О народности...» в «Военном сборнике» была размещена практически одновременно со статьей «Рассмотрение вопроса о допущении иногородних в войско Донское» (но подписанной 26 января 1862 г.) в донских ведомостях, где категорично высказывалась идея сохранения прав и привилегий казачества и отрицалась общественная польза от «допущения в войско иногородних» [10]. Автор этой статьи скрывался под псевдонимом «Усть-Медведицкий дворянин» и, весьма вероятно, в нем можно увидеть известного донского генерала и общественного деятеля И.С. Ульянова. Как свидетельствует О.М. Морозова, многолетняя дружба двух генералов – Краснова и Ульянова – резко пресеклась как раз из-за разногласий по поводу прав иногородних, в том числе, в земельном вопросе [11]. Последующие критические отклики на эти две работы в донских ведомостях собственно и составляют сущность «жаркого местного патриотизма» в печатной форме.

Таким образом, получается, что статья Краснова «О народности...» – это скорее не реакция на газетные баталии между сторонниками и противниками казачьей замкнутости, а непосредственный повод к их началу.

Конечно, нельзя исключать того, что не только или не столько статья Краснова «разбудила» общественное мнение на Дону. Например, можно достаточно уверенно утверждать, что сведения о радикальных предложениях по реформированию казачества, изложенные в программе Военного министерства и просочившиеся в донское общество в середине 1862 г., также инициировали сначала непечатные (и, как результат, «рост отчуждения между коренными и иногородними чиновниками»), а потом уже и печатные дебаты. Подобное исключение можно разглядеть и в ответе на вопрос о том, кто конкретно дал «отечественной публике повод думать, что донцы имеют наклонность к сепаратизму». Сам Краснов обошел этот сюжет, ограничившись простой констатацией данного факта.

Действительно, с июня по октябрь 1863 г. в «Московских ведомостях» публиковали свои путевые заметки (письма) историк И.К. Бабст и будущий обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев, которые сопровождали наследника престола Николая Александровича в его поездке по России, в том числе и по ЗВД. В этих заметках, собранных и изданных в 1864 г. отдельной книгой, довольно подробно сообщалось о разделении донского общества на «партии» сторонников «нововведений» и «приверженцев псевдо-исторической идеи Дона», о полемических статьях таких «партийцев» на страницах единственной в то время местной газеты [12].

Тем не менее не все так очевидно в первенстве обличения существования в донском казачестве «автономистского», «сепаратистского» духа. В 4-м номере «Русского инвалида» 1863 г. выходит статья «Письма с Дона», датируемая декабрем 1862 г. под авторством «К», с небольшим редакционным вступлением, в котором говорится о том, что составление нового войскового положения разделило казаков на два лагеря и «Русский инвалид» готов принимать в свои «столбцы... мнение обеих партий». В самой статье весьма гневные обвинения были предъявлены неким «партизанам замкнутости», которые хотят восстановить «значение войскового круга», не желают принимать «иногородний элемент в казачью народность» и пр.

Также в 1863 г. в Санкт-Петербурге в серии «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» публикуется книга «Земля войска Донского» члена Императорского Русского географического общества штабс-капитана Николая Ивановича Краснова, допущенная к печати цензором 11 февраля 1863 г. В своей работе Н.И. Краснов немало страниц посвящает разразившимся дискуссиям среди донского дворянства по поводу преодоления или сохранения «замкнутого» состояния войска Донского [13]. Н.И. Краснова и «К» связывает не только сюжетная и идейная близость в их произведениях, но и родственная, т.к. под «К» скрывался наш герой И.И. Краснов, а Н.И. Краснов, напомним, приходился ему сыном. Прямого упоминания об «автономизме» или «сепаратизме» донских казаков в красновских текстах нет, но содержащийся в них недвусмысленный намек на бытование подобных идей в казачьей среде вдумчивый современник мог бы разглядеть и без особого труда.

Учитывая данные обстоятельства, можно, конечно, предположить наличие мотива вины у И.И. Краснова, который и привел его к оправдательному замыслу статьи о «местном патриотизме». Нельзя исключать и другой вариант, нам кажущийся предпочтительным, с желанием И.И. Краснова отвести от себя и своей семьи всякие подозрения в оговоре своих оппонентов – защитников казачьих устоев и привилегий, в которых впечатлительная столичная публика увидела «сепаратистов». Если это так, то И.И. Краснову удалось осуществить задуманное. В 1866 г. на страницах «Русского инвалида» донские журналисты, размещая объявление об издании первой частной газеты на Дону «Донского вестника», задавались таким еще безответным вопросом: «Откуда и на основании каких фактов могли возникнуть суждения о донском сепаратизме, о нежелании казаков распространения у них грамотности и о не сочувствии их либеральным реформам нашего правительства?» [14]. В 1869 г. – теперь на страницах «Донского вестника» – пространный ответ был уже найден: «В желании удержать некоторые из лучших старинных казачьих постановлений и заключались все заветные стремления казакманов, как их обозвали тогда прогрессисты.

О полной же замкнутости и отчуждении тут и не было речи. Донской сепаратизм существовал только в воображении «Московских ведомостей» [15].

Однако вернемся к статье Краснова. После очередного заявления о том, что «появившаяся в патриотической русской литературе тревога о существовании в Войске Донском склонности к сепаратизму напрасна», генерал обращается к работе местного комитета по пересмотру войскового положения. В частности, он подвергает критике отрицательное заключение комитета на предложение о привлечении иногородних в донские полки («с ними донские офицеры не будут ладить»). Тем не менее Краснов признает проблему отчуждения казачьих офицеров и представителей русского офицерского корпуса. Причину этого он видит в «привилегированной нашей замкнутости, которая удалила нас от родимой семьи и втокнула в какой-то фантастический мир, нарочно придуманный для нашей национальности и которая... не может изгладить в нас того чувства, что мы уже как бы не принадлежим к народности господствующей, а потому инстинктивно подчиняемся ее представителям». Завершая статью, Краснов вновь обращает внимание на необходимость преодоления изолированного состояния Войска Донского и указывает на еще одно действенное средство для этого. Генерал предлагает разрешить донским землевладельцам продавать свои земли иногородним, т.к. это «во-первых, возвысило бы ценность донских имений... во-вторых, дало бы права гражданства на Дону их приобретателям, которые если не сами, то в лице своих потомков имели бы возможность поступать на службу в донские полки и укреплять драгоценный для Донского Войска союз с отечеством».

Выводы

Для того чтобы дать развернутую оценку общественно-политическим взглядам И.И. Краснова, анализа содержания двух его статей, пусть и знаковых, вряд ли будет достаточно. Но промежуточные выводы об отношении генерала к ключевым событиям недавней донской истории и таким понятиям, как «народность» и «патриотизм», вполне можно сделать. На вопрос о смысле(ах), которые генерал вкладывал в слова «народность»/«нация»/«национальность» в своем ответе сошлемся на авторитетное мнение А.И. Миллера, констатировавшего, что «параллельное использование понятий *народность*, *нация*, *национальность* как сходных по смыслу было типично для 1860-х годов» [16]. Впрочем, это не означает, что тем самым мы ставим окончательную точку в выяснении вероятных вариантов использования Красновым данных слов.

Более же конкретно и внятно можно сказать о красновской концепции предыстории и современного положения донского казачества, в которой ключевую роль занимает понятие «казачья народность / национальность». На наш взгляд, Краснова тревожило то обстоятельство, что эксплуатация идеи казачьей народности с 20-х гг. XIX в. как центральной властью, так и отдельными представителями казачьей элиты, причем каждой стороной в своих интересах, на самом деле уводит донское казачество от цивилизованного пути развития. В то время как «русская нация консолидируется после 1861 г.», войско Донское, состоящее из русских выходцев, сохраняя окраинный свой статус, теряет перспективы своего развития, остается за пределами «народности господствующей» и тех благ, которыми пользуются обитатели национальной метрополии. Несмотря на то что Краснов неоднократно отрицает сепаратизм донских казаков, тем не менее он на грани шантажа предупреждает власть о потенциальной опасности распространения сепаратистских идей среди казачества, одновременно выписывая рецепт его лечения правильным патриотизмом образца «Московских ведомостей».

Благодарности

Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-50018.

Примечания:

1. Королев В.Н. Старые Вешки: повествование о казаках. Ростов н/Д: Рост. кн. изд-во, 1991. С. 190–255.
2. Краснов И.И. О народности в войске Донском // Военный сборник. 1862. № 4. С. 343–356.
3. Краснов И.И. Местный патриотизм в Донском войске // Современная летопись. 1865. № 16.

4. Перетятко А.Ю. Донской сепаратизм 1860-х гг.: мифы, реальность и влияние на правительственную политику // Проблемы полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 227–233.

5. Волвенко А.А. Казакоманство. Донской случай (1860-е гг.) // Русская старина. 2015. № 1 (13). С. 19–37.

6. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 203 (Архив А.В. Каульбарса). Оп. 1. Д. 35. Материалы А.П. Чеботарева. Л. 24–34.

7. РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 35. Л. 25об.

8. РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 35. Л. 31об.

9. РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 35. Л. 33об.

10. Усть-Медведицкий дворянин. Рассмотрение вопроса о допущении иногородних в войско Донское // Донские войсковые ведомости. 1862. № 30, 31, 32.

11. Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2010. С. 21.

12. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М.: Тип. Грачева и К, 1864. С. 526–528.

13. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Земля войска Донского. СПб.: Тип. Департамента генерального штаба, 1863. С. 231–232, 439–440.

14. Русский инвалид. 1866. № 93. 15 апреля.

15. Донской вестник. 1869. № 4. 27 января.

16. Миллер А.И. История понятия нация в России // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 2. С. 31.

References:

1. Korolev V.N. Starye Veshki: povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. Narrative on the Cossacks]. Rostov n/D: Rost. kn. izd-vo, 1991. S. 190–255.

2. Krasnov I.I. O narodnosti v voyske Donskom [On the national issue in the Don Host] // Voennyi sbornik. 1862. № 4. S. 343–356.

3. Krasnov I.I. Mestnyy patriotizm v Donskom voyske [Local patriotism in the Don Host] // Sovremennaya letopis. 1865. № 16.

4. Peretyatko A.Yu. Donskoy separatizm 1860-kh gg.: mify, realnost i vliyanie na pravitelstvennuyu politiku [Don separatism of the 1860s: myths, reality, and influence on state policy] // Problemy polietnichnogo makroregiona v usloviyakh destabilizatsii Kaspiysko-Chernomorskogo zarubezhya. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2015. S. 227–233.

5. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Donskoy sluchay (1860-e gg.) [Kazakomanstvo. Don case (the 1860s)] // Russkaya starina. 2015. № 1 (13). S. 19–37.

6. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive (RSMHA). F. 203 (Arkhiv A.V. Kaulbarsa). Op. 1. D. 35. Materialy A.P. Chebotareva. L. 24–34.

7. RSMHA. F. 203. Op. 1. D. 35. L. 25ob.

8. RSMHA. F. 203. Op. 1. D. 35. L. 31ob.

9. RSMHA. F. 203. Op. 1. D. 35. L. 33ob.

10. Ust-Medveditskiy dvoryanin. Rassmotrenie voprosa o dopushchenii inogorodnikh v voysko Donskoe [Considering the issue of allowing the non-residents to become the members of the Don Host] // Donskie voyskovye vedomosti. 1862. № 30, 31, 32.

11. Morozova O.M. Tsari, kazaki, krasnye komandiry... Sem ocherkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta [Tsars, Cossacks and Red Army commanders... Seven essays in the genre of the historical and psychological portrait]. Rostov n/D: Izdatelstvo YuNTs RAN, 2010. S. 21.

12. Pisma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma [Letters on the travelling of the Prince Emperor through Russia from Petersburg to Crimea]. М.: Tip. Gracheva i K, 1864. S. 526–528.

13. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo Shtaba [Data for geography and statistics of Russia collected by the officers of the General Headquarters]. Zemlya voyska Donskogo. SPb.: Tip. Departamenta generalnogo shtaba, 1863. S. 231–232, 439–440.

14. Russkiy invalid [Russian invalid]. 1866. № 93. 15 aprelya.

15. Donskoy vestnik [Don Herald]. 1869. № 4. 27 yanvarya.

16. Miller A.I. Istoriya ponyatiya natsiya v Rossii [The history of the term *nation* in Russia] // “Ponyatiya o Rossii”: K istoricheskoy semantike imperskogo perioda. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. Т. 2. С. 31.

УДК 947“186”

**И.И. Краснов о «казацкой народности» и «донском патриотизме»
(по материалам периодической печати 1860-х гг.)**

Алексей Александрович Волвенко

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического
университета (РИНХ), Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: avolvenko@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются общественно-политические взгляды известного представителя донского казачьего генералитета XIX в. Ивана Ивановича Краснова. Его идеи о «казацкой народности» и «донском патриотизме», обоснованные в статьях местной и центральной периодической печати, помещены в событийный контекст реформаторской политики Военного министерства в отношении донского казачества в 1860-х гг.

Ключевые слова: войско, донское казачество, И.И. Краснов, народность, национальность, патриотизм.